

Ссылочный аппарат не был выверен достаточно тщательно при подготовке рукописи к изданию. Отсутствует единая система ссылок, которой следовало придерживаться. Так, например, при ссылках на Журнал Министерства народного просвещения в одних случаях указывается только часть, в других — только год издания, а иногда — и то и другое вместе (стр. 81, 82, 85, 133, 134, 293, 338, 360).

Имеются искажения и в иностранных текстах. В списке опечаток читатель информируется о том, что имя Лиутпранда искажено только на стр. 147. Такое же искажение содержится и на стр. 221.

Вызывает неудовлетворение и другая сторона оформления книги. К монографии объемом в 553 стр., охватывающей длительный период русско-византийских отношений, многочисленных завоевательных походов и войн, продолжавшегося перемещения народов и возникновения и распада многих государств, приложена одна единственная и по существу мало связанная с текстом карта под названием — «Киевская Русь, Византия и соседние страны в XI в.».

Приходится выразить сожаление и о том, что при подготовке монографии к печати не была изыскана возможность включить в нее подобранные автором иллюстрации.

Разумеется, эти недостатки не могут быть поставлены в упрек автору работы, но они должны быть исправлены во втором издании книги.

В целом же, подводя итог настоящему обзору, следует сказать, что монография М. В. Левченко является серьезным вкладом в советскую историческую науку. Ряд положений автора являются спорными, но эта спорность объясняется прежде всего противоречивостью свидетельств самих источников, многие из которых не содержат достаточных данных для окончательного решения того или иного вопроса.

А. А. Зимин, Г. Л. Курбатов

О ГЛАВАХ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ В ТРУДЕ ПРОФ. А. Д. ЛЮБЛИНСКОЙ „ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ“

Л., Изд-во ЛГУ, 1955, 374 стр.

Работа профессора А. Д. Люблинской — первый труд в советской историографии, посвященный источниковедению истории всех стран Западной Европы в эпоху феодализма; эта работа не может не привлечь внимания всех медиевистов, так как ни в русской исторической науке, ни в зарубежном источниковедении нет работ подобного типа.

Известно, что буржуазные ученые изучили и опубликовали огромное количество средневековых источников, выработали критические приемы их исследования, создали ряд хороших источниковедческих пособий по истории отдельных стран, главным образом типа подробных комментированных библиографий¹. Однако даже в таких классических трудах, как Ваттенбах и Молинье, главное внимание уделено повествовательным источникам и лишь попутно освещены некоторые виды документального мате-

¹ W. W a t t e n b a c h. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des 13. Jahrhunderts. Berlin, 1858; A. M o l i n i e r. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie. Part 1—6. Paris, 1901—1906; Ch. G r o s s. The sources and literature of English history from the earliest times to about 1485. London. 1900.

риала, касающиеся преимущественно политической истории. В отличие от буржуазных источниковедов проф. А. Д. Люблинская поставила своей задачей выявить «закономерности появления и развития тех или иных видов исторических источников в тесной связи с общим ходом развития стран Европы в эпоху феодализма...» (стр. 3) и рассматривает не только повествовательные, но и документальные источники. Именно эта новая постановка вопроса и делает труд А. Д. Люблинской особенно ценным и значительным явлением в советской исторической науке. Непосредственное назначение книги — служить учебным пособием для студентов-историков наших университетов.

Несомненно, что детальное рецензирование отдельных частей этого труда, охватывающего огромный источниковедческий материал по средневековой истории целого ряда стран, дело многих специалистов.

В данной рецензии мы остановимся только на главах, посвященных источникам по истории Византии.

Эти главы написаны Е. Э. Гранстрем и являются первым опытом систематического курса источниковедения истории Византии в русском и советском византиноведении. С самого начала следует сказать, что автор вполне справился с поставленной перед ним задачей, несмотря на то, что ему пришлось столкнуться с большими трудностями, связанными как с самим характером материала, так и с тем, что он был сильно лимитирован заранее установленным объемом византийских глав; естественно, что в учебном руководстве по всему средневековью, рассчитанном на историков широкого профиля, а не специалистов-византинистов, Византии могла быть уделена лишь сравнительно небольшая часть листажа. Е. Э. Гранстрем пришлось поэтому с особой тщательностью отбирать материал и очень широко пользоваться петитом².

Истории Византии посвящены: часть I главы [«Источники по истории древних германцев, славян, Поздней Римской империи и Византии» (до середины VII в.) (стр. 21—26; 29—34)]; VI глава [«Источники по истории Византии (с середины VII в.) (стр. 98—103)]; XVIII глава [«Источники по истории Византии» (стр. 263—277)]. Кроме того, об источниках по истории Византии говорится в IX главе («Источники по истории крестовых походов»), VII и XIX главах («Источники по истории южных славян»), во введениях к разделам книги, в «Очерке по истории издания средневековых источников» (стр. 348, 350) и в очерке «Рукописные источники по истории средних веков в СССР» (стр. 357), а также, попутно, и в некоторых других главах. Всего Византии посвящено около 35 страниц, т. е. примерно около 1/10 всего объема книги.

Главное внимание уделяется письменным источникам. Данные археологии, нумизматики, сигиллографии, эпиграфики только лишь упоминаются. Что касается письменных источников, то разбираются подробно лишь византийские и, частично, славянские. Автор не имел возможности привлечь ценные данные, содержащиеся в сочинениях сирийских, персидских, арабских, армянских писателей, поскольку в рецензируемой книге нет разделов, посвященных Восточной Европе и арабскому Востоку (см.

² Материалов, набранных петитом, здесь гораздо больше, чем в других главах. Это и понятно, если учесть, что в отличие от стран Западной Европы, где имеются более или менее крупные лакуны в фонде источников, Византия обладает непрерывной историографической традицией и, следовательно, нельзя исключить полностью ряд источников, не нарушив целостности картины. Петитом, в частности, напечатаны сведения о «консульских фастах», Сократе, Созомене, Феодорите Киррском, Агафии Миринойском, Менаандре Протикторе, Георгии Писиде, «Пасхальной хронике», житийной литературе, о Фотии, «Тимарионе», «Энциклопедии» Константина Багрянородного, Михале Пселле и ряде других.

стр. 3). Зато византийские письменные источники рассматриваются в очень широком плане. Автор разбирает не только исторические произведения (начиная с Евсевия Кесарийского и Аммиана Марцеллина и кончая Лаоном Халкокондиллом и Михаилом Кривоулом), но и документальный материал (папирусы, практики, договора), законодательство [Кодекс Феодосия, законодательство Юстиниана, иконоборцев, македонской династии (очень подробно разбирается аграрное законодательство X в.), земельный закон, «Книгу эпарха» и т. д.], агиографическую литературу, хозяйственные («Геопоники»), военные («Стратегикон» Псевдо-Маврикия) и дидактические («Стратегикон» Кекавмена) трактаты, словари и справочники (словарь Свиды, «Энциклопедию» Константина Багрянородного и т. д.), письма, речи, мемуары, художественную литературу («Тимархон») и народный эпос (поэму о Василии Дигенисе Акрите).

В каждой главе анализу источников предшествует краткая социально-экономическая и политическая характеристика Византии соответствующего периода, а источники рассматриваются в неразрывной связи с развитием общественных отношений. Особенно ярко выступает эта установка автора в разделах, посвященных законодательству и документальному материалу.

Везде, где это возможно, автор проводит параллель с источниками по истории Запада, указывая на их сходство (например, сходство между византийскими практиками и английскими экстендами и западноевропейскими полиптиками — стр. 264) или отличие. Подобное же сопоставление в более широком плане проводится во вводящих главах к трем разделам пособия (гл. I, II, III), где дается общая характеристика источников соответствующих периодов.

Особенное внимание уделяет Е. Э. Гранстрем сведениям о славянах, о народах, ныне входящих в СССР, и о классовой борьбе. Так, из пособия легко узнать, где можно почерпнуть материал о восстаниях «Ника», Фомы Славянина, Василия Медной руки, зилотов, о павликианах, о димах и т. д. Автор подробно перечисляет переводы, сделанные в средние века с византийских подлинников, подчеркивает значение византийских источников для изучения истории южных и восточных славян, а также ценность славянских переводов византийских источников для установления подлинного текста их греческих оригиналов (например, значение древнеболгарского перевода хроники Иоанна Малалы).

Содержание источников излагается с достаточной полнотой. Иногда приводятся отдельные небольшие, но характерные отрывки из анализируемых источников, или показывающие их особенности, или передающие, так сказать, «колорит времени».

Все это свидетельствует о том, что рецензируемые главы пособия дают отчетливое и ясное представление об источниках по истории Византии.

Но при переиздании работы, а это несомненно потребуется, следовало бы, на наш взгляд, сделать некоторые добавления и уточнения.

Так, в I главе полезно было бы упомянуть о творениях отцов церкви и о речах и письмах Либания и Синезия, сочинения которых представляют большой научный интерес. Кроме того, они переведены на русский язык. Что касается Синезия, то, как известно, над его произведениями много работали в последнее время советские историки, в частности М. В. Левченко. В XVIII главу следовало бы включить еще труд Михаила Атталиаты, а в части, посвященной Константину Багрянородному, упомянуть о «клиторологии Филофея», византийской табели о рангах, являющейся ценным источником для изучения византийского придворного и административного аппарата.

Автору следует остановиться более подробно и на характеристике источников по истории Византии до середины VII в.

В рецензируемом пособии эти источники включены в раздел, озаглавленный «Поздняя античность». Но, как известно, вопрос о переходе от рабовладельческого строя к феодализму и о времени этого перехода снова стал предметом обсуждения³. Нет единодушия в разрешении этого вопроса и среди византинистов. Не углубляясь в подробное его рассмотрение, мы ограничимся только несколькими замечаниями в связи с характером тех источников, которые попали в категорию античных вследствие принятой в пособии периодизации.

Античная традиция, безусловно, сильно чувствуется в произведениях Прокопия, Агафия и других византийских писателей; эта традиция была очень сильна вплоть до падения Византии, и большинство византийских историков и писателей всячески старалось ее сохранить. Но многие из источников, включенных в раздел «Поздняя античность», по нашему мнению, никак нельзя подвести под эту рубрику. Невозможно причислить к античным памятникам «Сказание о чудесах св. Дмитрия» или, скажем, хронику Иоанна Малалы, являющуюся, по словам самого автора, «первым образцом византийской хронографии» (стр. 34). Мы думаем также, что нельзя считать античным памятником и законодательство Юстиниана. Правильно отмечая, что «в нем (Кодексе Юстиниана. — И. Ф.) отражены все черты кризиса рабовладельческого общества», автор все же считает, что Кодекс Юстиниана «был предназначен для укрепления и даже восстановления рабовладельческих отношений в их прежней форме» (стр. 29). Нам кажется, что сопоставление законодательства Юстиниана с предшествующим ему говорит не об укреплении рабовладельческих отношений (хотя Юстиниан сохранил в силе *Senatus consultum Silanianum* и частично *Lex Aelia Sentia*), а о несомненном облегчении положения рабов, расширении их прав и возможностей отпуска рабов на волю. Это свидетельствует о том, что рабы перестали играть ведущую роль в производстве. Эту роль играют колонны, находящиеся в центре внимания законодательства Юстиниана. Вытеснение рабского труда и рабовладельческих форм эксплуатации подтверждается папирусами и другими материалами. Новое содержание законодательства Юстиниана чувствует и сам автор, когда, говоря о новеллах Юстиниана, он замечает, что новеллы являются «первым памятником византийского права» (стр. 29), т. е. не римского, рабовладельческого права. Мы бы отнесли к византийскому праву многие конституции кодекса Юстиниана (в частности, XI книгу) и даже кодекса Феодосия. Во всяком случае то, что автор прилагает эпитет «византийский» к новеллам, к труду Малалы и др., свидетельствует, по видимому, о том, что он хочет подчеркнуть их отличие от произведений, характерных для античности.

Укажем на некоторые вкравшиеся в текст неточности и опечатки.

В отдельных случаях, например, в отношении некоторых писателей IV—V вв. — Евсевия Кесарийского, Феодорита Киррского и др. — лучше было бы не указывать годов жизни, поскольку они точно не установлены и почти каждый историк датирует их по-разному. Консульские фасты охватывают и начало VII в.⁴ Основная масса византийских папирусов относится, как справедливо указано на стр. 21, ко времени до завоевания

³ См. статью Е. М. Штаерман. Проблема падения рабовладельческого строя. ВДИ, 1953, № 2 и статьи в следующих номерах ВДИ.

⁴ A. Degrassi. I Fasti consolari dell'Impero Romano dal 30 a. C. al 613 d. C. Roma, 1952.

Египта арабами, но имеются также и папирусы начала арабского периода, дающие исследователю интересный дополнительный материал по истории византийского управления в Египте⁵. «Дигесты», «Институции» и «Новеллы» Юстиниана никогда не входили в состав «Кодекса Юстиниана» (стр. 29), а представляли собой самостоятельные, изданные в разное время, сборники. Кое-какие сведения о Иоанне Камениате имеются в его собственном труде (стр. 266). Константин Багрянородный был не сыном, а внуком Василия I Македонянина (стр. 270). Говоря о том, что текст хроники Скилицы остался неизданным (как самостоятельное произведение), следовало добавить, что та часть его хроники (охватывающая 1057—1079 гг.), которая не была списана Кедриним, издана в виде приложения к последнему (стр. 272). Лучше было бы сказать вместо Никиты Акомината из Хон — Никита Хониат (стр. 273). Под таким именем издана его хроника и на греческом языке, и в русском переводе; кроме того, в последнее время возникли сомнения в правильности чтения «Акоминат»⁶. Имя византийского историка Георгия Франдзи следует теперь читать, как это доказал В. Лоран⁷, Сфрандзи (стр. 275).

Отметим некоторые опечатки: Кодекс Феодосия датирован 435 г. вместо 438 г. (стр. 22). В разделах о Феофане указан 867 г. вместо 787 г. (стр. 10), о Льве Диаконе — 965—975 гг. вместо 959—975 гг. (стр. 271), о Скилице — 911—1079 гг. вместо 811—1079 гг. (стр. 272). Опиской является, по-видимому, утверждение автора на стр. 21, что число папирусов IV—V вв. доходит до многих «десятков тысяч» (вместо «тысяч»); что касается V в., то он представляет почти полную лауну в папирусных собраниях. Также опиской следует считать перевод слова эргастерии термином цех (стр. 266), так как из контекста видно, что автор имеет в виду мастерскую, а цех в византийских источниках обозначается термином *αὐστῆρα, κοινότης τοῦ συστήματος, αὐματεῖον*⁸.

Несколько слов следует сказать о справочном аппарате рецензируемого труда, точнее — о той части этого аппарата, которая относится к византиноведению.

В конце пособия имеется библиография изданий источников, в которой указаны основные исторические сочинения и законодательные памятники. Учитывая, что пособие предназначено для студентов, автор старался дать ссылки на те издания, которые легче всего достать в большинстве наших библиотек. Поэтому в ряде случаев вместо новых, но недоступных изданий указаны старые. Как правило, автор приводит русские и советские переводы (за некоторыми исключениями). Издания документального материала, руководства по вспомогательным дисциплинам, справочники не включены.

Само собой разумеется, что библиография к учебному пособию не может быть полной. Но в новом издании пособия все же следует дать ссылки на легко доступные каждому студенту относительно полные библиографии такого типа, как помещенные в «Сборнике документов по социально-экономической истории Византии» и в «Византийском временнике», т. I (XXVII), и вместе с тем дать список наиболее важных изданий текстов,

⁵ R. Rémondon. Papyrus grecs d'Appollonos Anò. Documents des fouilles de l'Institut français d'Archéologie orientale du Caire. Le Caire, 1953 и др.

⁶ V. Grumel. De l'origine du nom 'Ακομινάτος, «'Επετροίς 'Εταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν», XXIII, 1953. См. Byzantinoslavica, t. XVI (2), 1955, str. 378.

⁷ V. Laurent. Σφραντζής et non Φραντζής. BZ, Bd. 44, 1951, S. 373—378.

⁸ А. П. Каждан. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. ВВ, VI, 1953, стр. 137.

переводов, справочников, которые либо пропущены в этих библиографиях, либо появились позже⁹.

Подводя итоги, следует сказать, что Е. Э. Гранстрем проделала большую и сложную работу. Тщательно проанализировав огромную массу разнообразнейших источников по истории Византии, она сумела отобрать наиболее важные из них и дать научный обзор источниковедения истории Византии. Немногочисленные неточности и опечатки, приведенные нами выше, отнюдь не умаляют достоинств этого ценного пособия, которое без сомнения будет очень полезным для всех работающих в области византиноведения.

И. Ф. Фихман

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСИ АРМЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ XV века. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (1401—1450 гг.). СОСТАВИЛ Л. С. ХАЧИКЯН

**Институт истории АН Арм. ССР. Материалы по истории армянского народа.
Книга шестая. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1955, XVI + 820 стр.**

Рецензируемая книга является вторым томом предпринятой Л. С. Хачикяном публикации памятных записей и пометок, сохранившихся на полях армянских средневековых рукописей.

Памятные записи эти являются, как мы уже говорили в рецензии на первый сборник¹, своеобразным и ценным источником по истории средневековой Армении и сопредельных с ней стран. Основная особенность записей — непосредственность, ибо их авторы, в подавляющем большинстве — люди из народа, отражали действительность без предвзятых мнений. Они записывали факты, касавшиеся жизни народа, отмечали все то, что наносило материальный и духовный ущерб крестьянам, ремесленникам и вообще трудовым элементам. Памятные записи восполняют пробелы хроник и иных исторических документов, писавшихся в соответствии с требованиями господствующих классов.

Памятных записей, сделанных в XV в., оказалось так много, что весь материал пришлось разделить (по хронологическому принципу) на две части. В рецензируемый сборник вошли записи только первой половины столетия, т. е. как раз того периода, который интересен и для историков Византии.

Том включает 744 памятных записи, из которых 384, т. е. больше половины, извлечены из рукописей, хранящихся в Государственном рукописохранилище (Матенадаране) при Совете Министров Армянской ССР. Составителю пришлось изучить более 300 рукописей, написанных в течение первой половины XV в., а также просмотреть манускрипты всех предшествующих столетий, начиная с рукописи Евангелия 887 г., в количестве более 900. В последних Л. С. Хачикян искал записи, сделанные приобретателями или обновителями рукописей. Составитель обследовал, кроме того,

⁹ Например: G. Schlumberger. *Sigillographie de l'empire byzantin*. Paris, 1884; W. Wroth. *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum*. London, 1908; J. et P. Zepos. *Jus graeco-romanum*. Athenae, 1931; M. Richard. *Répertoire des bibliothèques et des catalogues des manuscrits grecs*. Paris, 1948; F. Dölger. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges*. München, 1948; A. Bataille. *Traité d'études byzantines*. II. *Les Papyrus*. Paris, 1955; F. Dölger and A. M. Schneider. *Byzanz*. Berlin., 1952; Новые английские переводы кодекса Феодосия, истории Критовула и т. д.

¹ См. ВВ, т. VI, 1953, стр. 284—288.